

Кристијан Ристич

КРИЗИС, НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Неолиберализм на первый взгляд выглядит как теория, утверждающая, что наилучшим средством достижения благополучия человека является предоставление индивидам бóльшей предпринимательской свободы, ограниченной институциональными рамками, с характерными для них: строгой защитой права частной собственности, свободным рынком и либеральной торговой политикой. Роль государства состоит в том, чтобы создавать институциональные рамки, гарантировать качество денег и заниматься некоммерческой деятельностью (например, социальной защитой). Вмешательство государства должно быть минимальным. Подобная трансформация представляет собой новую экономическую конфигурацию, вынутую из багажа прошлого, когда государство ориентировалось на полную занятость, экономический рост и общественное благосостояние. Цикл деловой активности тогда с успехом контролировался кейнсианскими мерами денежно-кредитной и социальной перераспределительной политики.

Ключевые слова: экономия, кризис, занятость, государственный интервенционизм, денежная политика, финансовый сектор, процент роста, конкурентность, неолиберализм, экономическая депрессия

1. НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ОРТОДОКСИЯ И ОШИБКИ В ПРОВЕДЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Лауреат Нобелевской премии П.Кругман [1] вновь подтвердил ключевое положение Кейнса о том, что „наиболее подходящим временем для экономии является время роста, а не время кризиса“, „сейчас правительство должно увеличивать расходы, а не снижать их“, при чем до тех пор, пока „частный сектор снова не будет в состоянии продвигать экономику вперед“, правительство должно проводить экспансионистскую политику, создавая новые рабочие места, а не политику экономии, ведущую к их сокращению“.

Реальность сегодняшнего дня подтвердила старое высказывание о том, что экономисты всему знают цену, но ничему не знают ценность, по той простой причине что, как считает Кругман [1], занимаются изучением движения денег, производства и потребления, но не изучают того, что Бен Бернанке в своей книге „Экономика счастья“ описал как так называемую самооцененную степень благополучия.

Кризис, как правило, наносит большой вред в течение очень короткого времени, но оставляет тяжелые последствия на длительный период, так как почти постоянно снижает темпы экономического роста и занятости. А оказывающая деструктивное воздействие длительная безработица, в совокупности с низкими объемами капиталовложений, на длительный срок подрывает будущее развитие экономики [3].

Низкий уровень потребления, как правило, ведет к снижению занятости, „поскольку то, что не может быть продано, не будет ни производиться, а так как нет потребности в работниках на производстве – их не будут ни нанимать“. По сути, говорится, что „ваши расходы – мой доход, а мои расходы – ваш доход“ [1]. И граждане тратят меньше, чем зарабатывают.

Дополнительное печатание купюр является старым „проверенным“ способом выведения экономики из состояния рецессии. То же самое сейчас происходит и в США: когда экономика дает сбой, Федеральная резервная система (ФРС) приводит в движение станок для печатания денег и начинает процесс снижения процентной ставки (почти до нуля). К сожалению, как оказалось, ни нулевая процентная ставка не оказалась достаточно низкой, вследствие большого вреда нанесенного „лопанием пузыря“ на рынке недвижимости. Уровень частного потребления остался низким, ситуация со строительством жилья несколько не улучшилась, объемы капиталовложений в производство невелики, а уровень занятости катастрофически низок. „Это и есть та ловушка ликвидности: в нее попадают в том случае, когда и ноль не достаточно низок. Федеральный резерв настолько перенасытил экономику ликвидностью, что ничего не стоило задержать дополнительные деньги, а совокупный объем потребления остался на очень низком уровне“. Почти такой же сценарий разыгрался и на уровне глобальной экономики: когда все одновременно пришли к выводу, что задолженность слишком высока, должники были вынуждены снизить расходы, в то время как кредиторы не проявили желания тратить больше – в результате имеем депрессию.

Макроэкономика сегодня разделилась на две противоположные фракции, имеющие совершенно противоположные взгляды на сущность рецессии. В принципе, с одной стороны, речь идет о т.н. морских экономистах, пропагандирующих кейнсианское видение сущности рецессии, а с другой – мнение Кругмана, считающего, что „пресноводные“ экономисты – это по сути „laissez-faire“- (невмешательство государства в экономику) пуристы, триумфально объявившие о конце кейнсианской экономики и изгнавшие кейнсианцев из аудиторий и со страниц журнала (в качестве примера можно привести проект Лукаса, с математической строгостью подарившего макроэкономике микроосновы). Однако, их новые модели все-таки не смогли объяснить основные факты рецессии. И, так как их проект не удался, были вынуждены признать, что кейнсианская

экономика все-таки достаточно продуманна и реальна. Теория реального экономического цикла наконец-то осветила путь для получения на университетах новых профессорских знаний на костре академических макроэкономистов-отщепенцев. Таким образом, „новая“ кейнсианская теория вновь нашла свое старое прибежище на *MIT*, Гарвардском и Пристонском университетах, организациях МВФ и МБРР. Кейнсианцы в „знак благодарности“ были готовы даже отказаться от старого положения о том, что рынок совершенно саморегулируем и совершенно рационален, для того, чтобы активная государственная политика, направленная на борьбу с рецессией осталась желаемой и взяла верх над классической рыночной ортодоксией.

В течение долгого времени в США и ЕС не уделяли должного внимания тому, что преподается на университетах, а еще важнее – тому что не преподается на тнз. экономических факультетах, так как все международные монетарные и финансовые организације осуществляли строгий финансовый контроль над университетами и институтами, исходя из позиций неолиберальной ортодоксии. До настоящего времени множество экономистов находилось в полном неведении, так как в их теориях не отражалось, что же следует предпринимать в случае, когда меры монетарной политики оказываются недостаточными. Юджин Фама и Джон Кокрейн даже выдвинули ряд аргументов в пользу научного утверждения о том, что фискальные стимулы не могут привести ни к чему хорошему; а Р.Баро утверждал, что приличная часть фискальных стимулов нейтрализована падением инвестиций и объемов частного потребления, точно также как и Р.Лукас причины неэффективности фискальной политики объяснял рикардианской эквивалентностью, хотя никогда не понимал значение этого принципа. Кокрейн был отодвинут далеко в сторону, когда высказался о том, что „стимул не включен ни в одну изучаемую студентами лекцию“ и что кейнсианские идеи, как сказки, оказались неправильными. Р.Лукас отбросил как „дрянную экономику“ экономический анализ, проведенный Кристиной Ромер – ведущим советником президента США Б.Обамы по экономическим вопросам. А сердитый Р.Баро постоянно повторял, что П.Кругман некомпетентен для того, чтобы комментировать макроэкономические проблемы.

Подрывание актуальной политики во время тнз. седьмого года кризиса все-таки показало, что имеется большой недостаток знаний в области макроэкономики, ибо за последние тридцать лет экономическая наука значительно отклонилась от своего курса. По этой причине творцы макроэкономической политики всюду потерпели неудачу: как правительства, так и центральные банки, а особенно – международные финансовые организации.

В результате лопания пузыря на рынке недвижимости банки потерпели огромные убытки из-за ипотечных закладных – финансовых

инструментов, созданных посредством продажи дебиторской задолженности, выплачиваемой из пула ипотечных кредитов. Изобилие надежных вложений, рекламируемых рейтинговыми агентствами под знаком AAA, превратилось в токсичные отходы, сбытые неосторожным покупателям пенсионных фондов, банкам и тнз. тeneвым банкам. Так возросло количество сделок РЕПО, в которых финансовые актеры финансируют свои инвестиции за счет краткосрочных кредитов „от сегодня до завтра“ или кредитов, взятых от других финансовых игроков, предоставляя ипотечные закладные как обеспечение. Инвесторы имели краткосрочные обязательства (РЕПО) и долгосрочные активы, но не имели обеспеченный депозит.

Опасения Стиглица и Кругмана оправдались в тот момент, когда фокус внимания переместился с проблем занятости на проблемы дефицита и задолженности. Политическое теоретизирование привело к озабоченности слишком большим дефицитом и долгами, откладывая в долгий ящик проблемы безработицы. Боязнь дефицита бюджета привела к тнз. экономии бюджетных средств и к резкому снижению государственных расходов. Таким образом и политический дискурс с проблем незанятости перекинулся на вопросы бюджетного дефицита, хотя самое продолжение роста задолженности и не представляет трагедию, до тех пор, пока темпы ее роста не превышают темпы роста экономического развития и инфляции.

Снижение государственных расходов не в состоянии уменьшить будущие долги, так как кризис экономики ведет к снижению доходов и увеличению социальных расходов. Попытка исправить положение дел во время экономической депрессии за счет срезания государственных расходов может привести к противоположному эффекту, поскольку польза от снижения денежных расходов незначительна, а цена велика. К сожалению, переключение внимания с вопросов занятости на проблемы дефицита вызвало панику, одержавшую верх в рядах творцов экономической политики, у которых страх перед инфляцией перерос в фантомную угрозу. Даже предупреждение приверженца монетаризма, консервативного экономиста Аллана Мелцера о том, что резко возрастет инфляция (из-за печатания денег) не помогло.

Такие экономисты как Кругман и Стиглиц знают, что инфляция будет находится под контролем до тех пор, пока экономика находится в состоянии депрессии, в которой ловушка ликвидности при низких процентных ставках не позволяет увеличивать потребление до уровня, достаточного для обеспечения полной занятости. В этом контексте большое значение имеет тнз. базовая инфляция (*core inflation*) [1], для измерения которой из индекса цен исключаются цены на продукты питания и топливо и которая рассчитывается не для измерения стоимости жизни, а для измерения тнз. инфляционной инерции. Базовая инфляция (например, 4%) в настоящий момент полезна, так как дефляция отягощает

выход из депрессии. В этом вопросе почти все банки допустили ошибку: в стремлении снизить уровень инфляции, они забыли о стандарте проведения здоровой экономической политики в форме налогово-бюджетного стимулирования и проведения центральным банком соответствующей кредитно-денежной и процентной политики. Ошибочно и стремление правительства снизить заработные платы и пенсии, поскольку в этом случае возникает проблема долговой дефляции.

Ложный список причин кризиса является большим экономическим заблуждением, в котором преобладает мнение о том, что экономический кризис привел к фискальной безответственности. В соответствии с таким взглядом все европейские государства допускают большой дефицит бюджета и все больше впадают в долги. Поэтому было важно разработать фискальные правила для проведения государствами ответственной политики в форме лимитирования бюджетного дефицита и государственного долга по отношению к ВВП (в размере 3% и 60%), получивших название „Маастрихтское соглашение“ о ненаучных критериях.

Таким образом, вследствие евронезнания и экономического нигилизма европейской интеграции были „закопаны“ общепризнанная теория систематического бюджетного дефицита, теория циклического бюджета, теория компенсационного бюджета и теория стабилизационного бюджета.

Функция бюджетного дефицита в депрессивной фазе цикла состоит в том, чтобы приводить в движение дополнительные силы для конъюнктурного поискового полета; а функция бюджетного суфицита состоит в том, чтобы, посредством увеличения финансового давления в фазе экономического роста, действовать в направлении сокращения силы экономического разбега в сторону инфляционного вихря и стерилизации инфляционного ликвидного массива. В то же время, был институционализирован т.н. фонд выравнивания бюджетной обеспеченности, как антициклический финансовый институт, в который переносятся средства имеющего место суфицита в бюджете в период процветания экономики, в целях пополнения бюджетного дефицита в период депрессии. В этом контексте, т.н. метод резервов сочетается с т.н. методом антиципированных кредитов, в целях адаптации бюджетного распределения и перераспределения ресурсов к успешным циклическим фазам развития национальной экономики.

Теории компенсационного бюджета (*compensatory budgeting*), систематического бюджетного дефицита (*deficit spending*) и циклического бюджета (т.н. функциональный *pump-priming*) были дополнены теорией стабилизационного бюджета (*stabilizing budgeting*) (похожей на классическую теорию сбалансированного бюджета), в которой, не обращая внимания на финансовую сбалансированность на годовом уровне, на

передний план выдвигается макроэкономическая сбалансированность. Эта доктрина (более реальная, чем теория компенсационного бюджета), обходя ненадежные предвидения конъюнктурного развития экономики и временные лаги (*time-lags*) в бюджетной исполнительной сфере, опирается на автоматические „встроенные“ стабилизаторы (*builtin stability ili builtin flexibility*), в рамках которых гибкая переадаптация и гибкие переобязательства финансовых доходов амортизируют конъюнктурные возмущения экономических потоков воспроизводства. В том контексте было „перемаркировано“ два термина: финансовый тормоз (*fiscal drag*) и финансовый дивиденд (*fiscal diviend*), являющихся двумя аспектами одного явления – эффекта автоматической стабилизации. Финансовый тормоз применяется в условиях, когда конъюктура гибкого финансового дохода облегчает экспансию, поскольку в рамках значительного сокращения налогов (*big tax cut*) снижение налогового бремени стимулирует экспансию. И наоборот, выбор между двумя моделями дискреционной бюджетной политики зависит от предпочтений государства в вопросах распределения ресурсов и от выбора государственного или рыночного распределения. В противопоставлении стандартных теорий победу одержал Вашингтонский консенсус (идейным творцом которого является Дж.Уильямсон, в котором описаны десять принципов, превращенных его сторонниками в Десять заповедей [4].

В течение пугающих годов „признанной“ рецессии почти все страны глобального мира боролись с коллапсом частного потребления путем проведения экспансивной кредитно-денежной политики – снижения налогов и печатания денежной базы. Но вскоре мировая финансовая и банковская элита отказалась от лекций учебной литературы в пользу ставшего модным призыва к сокращению государственных расходов через увеличение налогов и процентных ставок, в условиях массовой безработицы. И, по словам Кругмана, на просторах европейского континента начали грохотать призывы Европейског центрального банка к принятию мер по финансовой экономии и увеличению процентных ставок, вопреки имеющей место экономической депрессии в еврозоне, где нет опасности от инфляции. Сторонники мер экономии, такие, как например А.Алесина и С.Ардани, якобы доказали, что экономия приводит к экономическому росту, и эту идею новые творцы экономической политики начали яростно отстаивать по всему миру. Но, к счастью, специалисты из МВФ в 2012 году провели исследование и пришли к выводу, что меры финансовой экономии скорее ведут к экономической депрессии, чем к экономическому росту. Противовес экономии бюджетных средств составляет снижение процентных ставок и/или девальвация – что означает, что мы все-таки живем в мире кейнсианства. Это подтверждает и Пол Кругман: „если посмотреть чего же хотят сторонники экономии, то можно увидеть, что они не ориентируются на вопросы создания новых

рабочих мест, а на проведение финансовой политики, направленной на решение проблем дефицита, денежной политики, одержимой борьбой против малейших намеков на инфляцию и увеличивающей процентные ставки даже в условиях роста безработицы – все это на практике идет на руку предоставляющим кредиты кредиторам, а не тем, кто берет займы для того, чтобы работать и/или жить“.

Желание кредиторов сводится к тому, чтобы приоритетным вопросом правительства стало стремление обеспечить им возвращение долгов и сопротивляются любым действиям, направленным на лишение банков их доходов от кредитов (путем сохранения низких процентных ставок) и снижения стоимости дебиторской задолженности через инфляцию“ [1]. Лишь один Грегори Манкью из Гарварда еще в самом начале кризиса выступал за резкий рост целевой инфляции федеральных резервов. Оливье Бланшар, однако, как главный макроэкономист МВФ, считал, что для центральных банков было бы лучше стремиться к тому, чтобы задержать инфляцию на уровне 4% (а не 2%), так как более высокий уровень номинальной ставки процента мог бы смягчить ограничения, связанные с тем, что процентные ставки не могут упасть ниже нуля.

2. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Неолиберальная теория, прикрываясь маской монетаризма, начала оказывать влияние в форме новой экономической ортодоксии, занимающейся вопросами регулирования государственной политики, приняв идею о том, что от кейнсианства следует отказаться, для того, чтобы экономика предложения могла использоваться в целях вывода экономики из состояния застоя. Центральные банки, совместно с МВФ, начали постепенно отказываться от наложения финансовых ограничений, а значит и от бюджетных правил, в целях ориентирования новой политики на обуздание инфляции, не взирая на последствия безработицы. Таким образом началась новая эра дерегуляции всего и вся в пользу предоставления неограниченных рыночных свобод мощным корпоративным интересам. Возросли налоговые льготы для новых инвестиций, в целях направления капитала на получение большего процента прибыли. Была введена институциональная практика деиндустриализации и размещения производственных мощностей по всему свету, не взирая на последствия роста безработицы. Конкуренция и инновации стали средством консолидации мощи монополистов, сопровождаясь наибольшим в истории человечества сокращением прямых налогов.

Целью неолиберальной риторики являлось разделение либертарианства, политики идентичности, мультикультурализма, нарциссоидного консюмеризма, личной свободы и общественной

справедливости, в противовес проведению регуляторной политики государства. Так начался новый этап капиталистического реструктурирования, в ответ на кризис накопления капитала посредством инструментов новой стратегии дефляции, соединенной с регрессивной редистрибуцией доходов и богатств.

Социальная политика практически была передана в руки владельцев ценных бумаг Уолл Стрита, в то время как нововведенная политика срезания огромного бюджетного дефицита предназначалась для достижения низких процентных ставок. Было ускорено возвращение Волкера к монетаризму и назначение кадров в агентствах, настроенных против регуляторного государства, для того, чтобы государственная собственность без труда могла переходить в частные руки, а производство обеспечивало присвоение высокой субвенционированной прибыли.

Гибкость принимаемых мер на рынке труда позволила всем выгодам, получаемым вследствие возрастания флексибильности в сфере распределения рабочей силы, перейти в капитал. Рост безработицы сопровождал неолиберальную риторику о добровольной незанятости, возрастающей якобы из-за того, что „резервная стоимость“ рабочей силы слишком высока.

Разворот экономической мысли в сторону неолиберализма свелся к комплетной фузии монетаризма (М.Фридман), рациональных ожиданий (Р.Лукас), общественного выбора (Дж. Бьюкенен) и экономики предложения (А.Лаффер), для того, чтобы показать и доказать, что вмешательство государства представляет собой проблему, а не решение и что стабильная кредитно-денежная политика и радикальное сокращение налогов несомненно ведут к здоровой экономике. Эти новые идеи поддержали все престижные университеты, великодушно финансируемые из фондов корпораций. Университеты, бизнес-школы и институты превратились в центры неолиберальной ортодоксии, которые обучали экономистов со всего мира, особенно экономистов из стран транзисии и МВФ и Мирового банка, как институтов международного финансирования. А это были идеалы корпоративного либерализма. Кадры, получившие новое образование, увеличили бюджетные средства и снизили убыточный баланс государственного сектора посредством продажи государственной собственности. Вымышленная приватизация, сопровождаемая снижением расходов за счет увольнения работников, создала выгодные условия для частного капитала и деловой климат, в котором приватизация и спекулятивные доходы шли бок о бок, для чтобы реализовать цель расширения сферы личной и корпоративной ответственности и увеличения сферы индивидуальной и корпоративной инициативы в области инноваций (ради создания конкурентных преимуществ).

Приватизация, дерегуляция, либерализация, конкуренция и инновации – все они являются дерегуляторами институциональных барьеров экономического развития и благосостояния людей, сопровождаемыми развитием „трагедии общей собственности“ и „проблематичного государственного интервенционизма“. Государственный суверенитет осознанно предается в руки глобального рынка, повышающего эффективность и продуктивность, снижающего цены и контролирующего инфляционные тенденции. Неолиберализм относится с сомнением к демократии и закону большинства (задевающего права индивидов) и фаворитизирует управление, осуществляемое экспертами и корпоративной элитой (для того, чтобы оставить не у дел „лишние“ институты, такие, как например центральный банк). Неолиберальное государство, как правило, фаворитизирует неприкосновенность финансовой системы и платежеспособность финансовых организаций. Неолиберализм снижает зарплаты, увеличивает эксплуатацию работников, создает неуверенность в рабочем месте и устраняет охрану труда. Социальная защита сводится к минимуму, в противовес системе личной ответственности и усилению партнерства государственного и частного секторов. Государство берет на себя большую часть риска, а частный сектор – большую часть прибыли. Государственное принуждение направляется на увеличение защиты интересов корпоративного капитала. Неолиберализм не смотрит с одобрением ни на нацию, а либеральное государство, как фактор системы конкурентности на глобальном рынке, мобилизует национализм в целях афиширования делового климата предпринимательского духа с акцентированными индивидуальными свободами.

Конкурентоспособные генераторы глобальной экономики увеличили давление на центральные банки в целях направления их по пути монетаризма, исполнения Маастрихтского соглашения и создания широких неолиберальных рамок для внутренней организации Евросоюза. Произведен значительный разворот в сторону открытой формы финансиализации, сопровождающейся быстрым ростом прямых зарубежных инвестиций и портфеля инвестиций. Финансовые рынки приняли мощную волну дерегуляции и инновации и таким образом превратились в важный инструмент координации и концентрации богатства. Основанная на общих интересах взаимосвязь банков и корпораций привела к разрыву связей между биржами и компаниями. МВФ и Мировой банк, горячо приветствуя неолиберальную ортодоксию, приготовились к оказанию нового давления на все страны глобального мира для того, чтобы они приняли неолиберальные формы под видом продуманных структурных реформ. МВФ, в целом лояльный неолиберальной программе, жестко настаивает на контроле инфляции и прочности государственных финансов, а также на достижении

главных целей без принятия во внимание проблем безработицы и социальной справедливости [2]. Что касается программы, и ВТО принял неолиберальные стандарты беспрепятственного перемещения капитала.

Нерегулируемая финансиализация, сопровождающаяся деятельностью валютных спекулянтов, вынудила почти все правительства европейских стран ослабить действие европейского механизма валютного курса и не обращать внимания на туманную и неисследованную роль хедж-фондов. По мнению Кругмана, хедж-фонды, как правило, спекулируют с заимствованными средствами и привлекают (приманивают) инвесторов. Иначе как могло случиться так, что 25 менеджеров хедж-фондов заработали 14 млрд. долларов – в три раза больше, чем 80.000 нью-йоркских преподавателей вместе взятых.

Дерегуляция в сфере банкарства, произведшая спекулятивные пузыри в распределении кредитов на рынке недвижимости, и финансовая политика снижения частных и корпоративных налогов (в целях стимулирования капиталовложений) превратились в миссию центрального банка, до сих пор заботившегося об обеспечении полной занятости, а сейчас переключившегося на борьбу с инфляцией, т.е. на вопросы макроэкономической стабильности.

Коллапс финансовых пузырей, выразившийся в нарушении стоимости активов, бегстве рабочей силы и капитала и внутреннем банкротстве, привел к серьезной депрессии, остановившей экономический рост, снизившей объемы потребления и вдвое увеличившей уровень безработицы. Экономические идеи посредством международной конвергенции внедрили неолиберальную программу, основывающуюся на сокращении финансового дефицита, сбалансированности бюджета и контроле инфляции, минуя вопросы занятости и справедливого распределения доходов. Таким образом неолиберальная программа ЕС стала фундаментом макроэкономической политики, опирающейся на возрастающую автономию, какехсию малых и средних предприятий, изменение условий заимствования капитала, лоббирование, взятки и вовлеченность в процесс выборов. Неолиберализм все-таки не смог существовать без универсальной тенденции к возрастанию общественного неравенства и маргинализации, прикрывая при этом суровую действительность усиления классовой мощи в главных финансовых центрах глобального капитализма.

Господствующая неолиберализация восстановила классовую мощь господствующих элит, создающих в своих башнях непропорционально огромные объемы фиктивных богатств. Рынок недвижимости стал основным двигателем накопления капитала турбокапитализма. Осуществляемая на рыночных принципах финансиализация представляет собой главный признак неолиберализма с привилегированной информационной технологией.

В нахлынувшей волне структурной адаптации и неолиберальных реформ граждане вынуждены существовать как „придаток“ рынку. Стиглиц и Кругман, выступая за реформу глобального управления с улучшенными регулятивными структурами и более строгим надзором финансовой деятельности, остро коснулись проблем неравенства в доходах и владения имуществом, производящих структурный кризис и дегенерирующих структурные реформы. Глобальное выздоровление экономики, без роста занятости и при стагнирующих заработках сводится, все же, к непрерывному росту финансирующего долги консьюмеризма, поскольку американская экономика (Америка О.О.О.) продолжает опираться на огромные суммы кредитов, поддерживающих ее расточительное существование. Таким образом, то, что „транзиционно“ на пути к совершенному неолиберальному миру уже распознается как ошибочная утопическая риторика неолиберализма. Идеалы неолиберальной экономики уже формируют желание альтернативных общественных отношений.

А академические слои уже начали искать экономику, не навязывающую фундаментализм глобального рынка и не пропагандирующую идеологию экономизма, подводящего все виды человеческой деятельности под категории рынка.

Мировой экономический кризис, в совокупности с внедрением неолиберального проекта, сделал очевидным перемещение центра тяжести глобальной экономики с производственного сектора на финансовый, как будто хозяйственная деятельность больше не является важной. Тем самым формализована примитивная личная свобода извлечения прибыли из нищеты в форме тайно придуманного частного преимущества вроде конкуренции, как ключевого стимула развития и генератора монополии. Неолиберальное ограничение демократического способа управления толкнуло финансируемые государством образование, здравоохранение и социальное обеспечение в рыночные объятия прогнанного государства и под нищий спуд бывшего государственного сектора. „Странный“ мир Стиглица все-таки возможен, поскольку бедные страны субсидируют богатые страны, точно также как бедные индивиды субсидируют ультра-богатых. Ирония в том, что США, као либерально-неконсервативное государство, и Китай, как конфуцианско-неокейнсианское государство, создали в мире впечатление глобально деградированного устройства по той простой причине, что США свой консьюмеризм массово финансировали из бюджетного дефицита и глобального государственного долга, а Китай свои массовые инвестиции в основной капитал и инфраструктуру финансировал посредством невыплачивания задолженности от использования невозвратных кредитов.

3. ОШИБКИ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ И КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В настоящее время даже хорошие политические идеи базируются на плохой экономике. В качестве аргумента можно привести тот факт, что приватизация чаще всего рассматривается как способ получения доходов, а не как способ повышения конкурентоспособности. Точно также и в представлениях правительств дерегуляция часто выступает как нечто, на что их принуждает глобальный рынок, а не как способ повышения эффективности хозяйственной деятельности и жизненного стандарта. Поэтому политические программы – плохие программы, а плохие из-за того, что базируются на плохой экономике. Экономисты, в этом контексте, склонны обвинять других за то, что не понимают их учебников, а не себя за то, что экономика не дала лучших результатов.

Предмет экономики, конечно же, очень сложно преподавать. Для несведущих экономика часто выглядит неожиданно (особенно из-за того, что невозможно) и странно (потому, что излишне отупляюще математизируется). Ответственность за это несет экономическая профессия, так как их модели мало кто понимает, а и факты экономисты объясняют непонятно. Основные принципы микроэкономики и базичные положения о роли цен сегодняшними экономистами не оспариваются. Экономисты только понапрасну тратят время, дискутируя о спорных вопросах, вытекающих (более или менее спорным путем) из основных принципов. Дело в том, что общественность это понимает, особенно, если имеет намерение благоразумно судить о государственной политике. Общественность и ее политики втянуты в споры о имеющих место эффектах повышения процентных ставок или снижения налогов на процентный доход и т.д., и приходят к выводу, что экономисты расходятся по всем вопросам, и ничего не понимают. „До тех пор, пока экономисты громче всего дискутируют о вещах, которые меньше всего понимают, а умалчивают о фундаментальных идеях, которые их объединяют, маловероятно что, что-либо изменится“ [5].

Самой большой ошибкой экономистов является то, что они допустили, что проведение экономической политики больше всего ожидается от правительства, которому они и сами давали советы. Статичность почти всегда встречает всестороннюю поддержку экономистов. Только и ждет появления инфляции, безработицы или ухудшения положения на рынке, чтобы открыть стрельбу из всех орудий. Но, экономисты обычно не спешат с поднятием вопроса о том, ухудшит ли предлагаемое правительством решение в области хозяйственной деятельности экономическую ситуацию. Экономисты „старой школы“ на рыночную экономику смотрят с благоговением. Они продолжают считать, что рынок удивительная вещь, поскольку людям, действующим без

видимой координации и, в основном, преследующих собственные интересы, удастся достигнуть впечатляюще полезных результатов. Между тем, в настоящее время учебники, способные довести своих читателей до такого вдохновения – редкое явление. В современных учебниках говорится о том, что рынки несовершенны и что это могут только правительства, которые слушают советы экономистов. И что же тогда лучше для общества: экономисты, правительства или рынок? Жалкий это вопрос.

Проекты новой радикальной трансформации, базирующиеся на поверхностных „экономических теориях“, имеют относительно небольшое интеллектуальное значение и почти не имеют никакого эмпирического подтверждения; т.н. великие экономисты потеряли скромность в предложениях и осторожность в „стремительных“ обобщениях [1]. Джеффри Сакс своими методами способствовал развитию социальной катастрофы в России; международные финансовые организации своими „специальными методами“ также достаточно потрудились в плане превращения азиатских тигров в латиноамериканский хаос. А лидер нынешней „консервативной революции“ Ньют Гринич, чересчур верящий в свободный рынок, о голодных детях говорит, что „они должны научиться ответственности и дисциплине и понять, что им никто ничего не должен; они должны получать только то, что могут получить на рынке и ничего больше“ (Ноам Хомский). На мировой экономической сцене господствует коллекция циников, которые креируют и навязывают экономические теории через „плаченные“ проекты транзиции, приватизацию и либерализацию, проводящиеся в форме глобализации „незнания“ и мондиализации „преданной профессии“.

В этом контексте, глобальные ястребы стремятся к установлению всеобъемлющего контроля над гражданами, природными богатствами и капиталом в форме демократического регулирования планетарных потоков и транснациональных проектов (интересов). Подобная мондиалистическая тенденция ведет к образованию опасной пропасти между форсированным „концом национального государства“ и неудержимым стремлением к „возрастанию числа слабых государств“ в условиях отсутствия эффективных глобальных демократических институтов. Это ли „глобализация с человеческим лицом“? И что остается от теории „устойчивого развития“, выступающей за экологически приемлемую, социальную, справедливую и эффективную экономику?

Ортодоксная экономика попала в ловушку серьезных научных проблем, поскольку ортодоксные экономисты не прошли тест рынка, протагонисты которого не предвидели, что произойдет крупнейший за последние восемьдесят лет крах экономики. Ведущие мыслители экономической науки, играя ключевую роль в конструировании катастрофических финансовых дериватов, еще и способствовали крушению экономики, утверждая, что кризисы остались в прошлом.

Плаченные активисты банковского сектора и хедж-фондов толкнули деловых людей со спекулятивных вершин в финансовую пропасть и произвели взыв беспрецедентной нестабильности. Признанные научные деятели, вопреки этому, утверждали, что экономика решила основную проблему предотвращения кризиса, хотя экономическая профессия допустила spectacularную ошибку. В настоящее время, те же самые экономисты свободного рынка, продолжающие доминировать в университетах и правительствах государств, до сих пор не могут одуматься и пересмотреть свои теории. Господствующее неоклассическое мнение, вооруженное доминировавшей 30 лет неолиберальной идеологией, не может примириться с тем, что дерегулированные рынки не стремятся к сбалансированности, а к углублению предрасположенности экономики к системному кризису. Таким образом, архитекторы гипотезы о эффективных рынках, как фундаменте финансовой дерегуляции, попались в ловушку незнания, признавая, что не знают, что же является причиной рецессии. Но, тем не менее, большинство экономистов основного течения неолиберальной ортодоксии продолжает терроризировать экономическую науку, как будто ничего не случилось. Никак не поймут, что профессия, породившая экономическую пустошь, несомненно лишилась своей научной репутации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение рецессии означает, что неудачи экономики спроса (недостаточность частного потребления для использования полных производственных мощностей) недвусмысленно превратились в тормоз благополучия, в результате чего дошло до заметного перенесения фокуса экономической мысли с экономики спроса на экономику предложения. Результат теоретических дискуссий в конечном итоге таков: недостаток совокупного спроса с успехом решился бы сам по себе, если бы, в ситуации роста безработицы, произошло быстрое снижение зарплат и цен. Но, цены в ситуации, надвигающейся рецессии не снижаются быстро, а экономисты не могут прийти к единому мнению о том, по каким причинам это происходит. Поэтому решения, принимаемые экономистами, в глазах общественности потеряли свою весомость, а „великие“ экономисты не знают как перейти к долгосрочному экономическому росту по той причине, что конвенциональные решения в экономической политике не оказывают никакого влияния. Глобальный паралич глобальной рецессии глобальной экономики исчерпал глобальные резервы мегакапитала. Рекапитализация рецессионной финансовой экономики через инвестиционный допинг в производственные структуры, обеспечение рыночной конкурентноспособности, присущей прибыльной экономике, и создание новых рабочих мест – представляют собой глобальный вызов,

который „уничтоженное“ знание экономистов не может решить из-за незнания „экономики, базирующейся на знании“.